

За пределами внутренних покоев кабинета на синеватых каменных ступенях скопился тонкий слой инея. Императорский паланкин вдовствующей императрицы еще не успел остановиться, как одного из евнухов смахнули вниз по ступеням, и его вопли потонули в холодном ветре. Она была не в парадных одеждах, лишь набросила черный собольий плащ, а в ее прическе сверкала заколка в виде феникса с жемчужиной в клюве из червонного золота, чей холодный блеск, подобный лезвию, заставил всех министров в зале затаить дыхание в смертном страхе.

— Се Линь! — голос ее звучал негромко, но пронзил костный мозг, словно ледяной шип. — Ты сел смуту безумными речами, смутил народ Кровавым Указом. Преступление твое карается смертью, а родовое проклятие не подлежит легкому прощению.

Се Линь стоял у подножия ступеней, его одежды были испачканы еще не высохшими со вчерашнего дня следами крови, волосы растрепались, а в уголке рта все еще виднелось несмытое чернильное пятно. Он не опустился на колени, ничего не сказал, лишь тихо смотрел на нее, словно глядя на мертвеца, который давно сгнил, но все еще облачен в роскошные одежды.

— Вдовствующая императрица, — внезапно заговорил Цэнь Чжао, и его голос прозвучал чисто и холодно, как падение нефрита на блюдо. — Помните ли вы, что в зиму двадцать третьего года Тяньци перед смертью сказал вам свергнутый наследный принц?

Во всем зале воцарилась мертвая тишина.

Зрачки вдовствующей императрицы резко сузились, а кончики пальцев впились в ладони:

— Ты...

Цэнь Чжао не торопясь извлек из рукава потрепанный древний фолиант с обугленной обложкой и испещренными пятнами страницами, на которых, однако, все еще можно было разобрать название: «Подлинная история Великой династии Инь. Свиток седьмой. Биография свергнутого наследного принца». Он опустился на колени, обеими руками поддерживая книгу, прижался лбом к полу и произнес низким голосом, словно совершая жертвоприношение:

— Я, Цэнь Чжао, именем летописца преподношу правду.

Лицо вдовствующей императрицы посинело:

— Сжечь ее!

— Уже поздно, — Цэнь Чжао поднял голову, и в его глазах не было страха — лишь сострадание. — Копия уже спрятана в подземном дворце Императорского Храма Предков. Все семьдесят два свитка кровавых писем запечатаны кровью рода Се в качестве ключа, и в день Тяньци они откроются сами.

— Ты...! — вдовствующая императрица пришла в ярость и ударила ладонью по столу, так что золотая печать соскользнула и упала вниз. — Ты всего лишь скромный летописец, как ты смеешь судить дела царственного рода?

— Я не летописец, — тихо рассмеялся Цэнь Чжао, и его голос прозвучал словно ветер, пронесшийся над древним колоколом. — Я — последний оставшийся в живых из рода Се. Тот самый младший сын семьи Се, который ради спасения Кровавого Указа от уничтожения добровольно пресек свой род, сменил фамилию и вошел во дворец рабом. Я — родной младший брат Се Линя.

По залу прокатился ропот.

Се Линь наконец шевельнулся.

Он медленно поднял руку, пальцы коснулись пряди седины на виске Цэнь Чжао, а голос звучал так тихо, что его едва можно было расслышать:

— Ты с самого начала знал, что она — истинная убийца.

Цэнь Чжао кивнул, не отводя взгляда:

— Поэтому я и позволил тебе сойти с ума.

Только безумные речи безумца способны пронзить ложь императорской власти.

Се Линь прикрыл глаза, а когда открыл их снова, на дне его взгляд не осталось ни капли тепла — лишь мертвенная серость.

Он повернулся и направился к стоявшей в углу зала бронзовой жаровне — той самой, что была специально установлена кабинетом для сожжения «крамольных книг». Угольки пылали ярко, а пепел летел хлопьями снега.

Он протянул руку и достал из-за пазухи ту половину Кровавого Указа. Чернильные линии были алыми, словно кровь, и каждая буква казалась острым клинком.

— Сожги его, — тихо произнес он. — Только когда ты сожжешь его, она осмелится признаться.

Зрачки вдовствующей императрицы резко сузились:

— Ты...

Не успело замереть эхо ее слов, как Се Линь бросил Кровавый Указ в огонь.

Пламя взметнулось вверх, жадно слизывая бумажные листы. Чернильные строки извивались и бились в агонии, словно живые существа, и вдруг прямо посреди пепла проступили строки кровавых иероглифов:

В семнадцатый день двенадцатой луны двадцать третьего года Тяньци свергнутый наследный принц Се Хэн был приговорен к отравленному вину за то, что разоблачил тайную связь вдовствующей императрицы с внешними племенами и ее попытку захватить военную печать. Вдовствующая императрица приказала объявить о его смерти от болезни, назвав причиной застой крови в сердце, после чего сожгла его черновики и уничтожила его близких.

Се Линь, стремясь доказать его невиновность, собственноручно отсек себе правую руку и использовал кровь вместо чернил, чтобы написать семь свитков «Истории гибели Великой династии Инь». Он был заточен в Холодном дворце и три года хранил молчание.

Цэнь Чжао, младший сын рода Се, принял лекарство для имитации смерти и, используя свою жизнь в качестве привязки, запечатал душу Се Линя в указе. Он взял на себя вину в безумии и двадцать лет пробыл в тени, лишь бы дожидаться его пробуждения.

Отблески пламени отразились на лице вдовствующей императрицы. Ее лицо из синего стало белым, а из белого — пепельным, губы задрожали, но она не смогла вымолвить ни звука.

— Ты... откуда тебе всё это известно? — ее голос осип, словно его терли наждачной бумагой.

Цэнь Чжао опустил голову:

— Потому что я прожил за него эти двадцать лет.

А Се Линь вдруг улыбнулся.

Его улыбка была легкой и холодной, похожей на первую трещину на ледяной корке.

— Ты убила вовсе не наследного принца, — тихо произнес он. — Ты убила правду.

Все любители книг собираются здесь, чтобы обсудить очарование романов об истории.

Едва замолкли его слова, как за окнами внезапно поднялся ветер.

Черная, как смоль, ворона бесшумно пролетела над краем крыши и стремительно бросилась в сторону покоев вдовствующей императрицы.

В клюве она держала половину Кровавого Указа: чернила еще не высохли, а смертоносный дух еще не рассеялся.

И на ней была лишь одна строка:

Ты убила вовсе не наследного принца, а правду.

В ту же ночь в покоях вдовствующей императрицы погасли все огни.

Всех слуг выгнали вон, объявив, что вдовствующей императрице «необходим покой», и никто не смел приближаться.

Но в третью стражу дежурный евнух услышал донесшийся из внутренних покоев еле слышный звук — словно нефритовая шпилька упала на пол, или страницы книги перевернулись.

Набравшись храбрости, он заглянул внутрь через щель в двери.

Лунный свет падал наискосок, освещая ложе вдовствующей императрицы.

Она лежала с открытыми глазами, ее зрачки были расфокусированы, но она намертво вцепилась взглядом в то, что лежало у ее подушки.

Там тихо покоилась половина Кровавого Указа.

Вороны и след простыл.

Кровавые иероглифы на указе в лунном свете начали медленно извиваться, словно живые существа, впитываясь в набивку подушки и опутывая ее шею, подобно лианам.

Она хотела закричать, но горло словно зажали железными клещами.

Она хотела пошевелиться, но конечности налились свинцом.

Наконец она поняла —

Это не проклятие.

Это история.

История, написанная Се Линем, которую она сжигала трижды, но которая так до конца и не умерла.

Она хотела позвать на помощь, но не могла издать даже слабого стога.

Перед тем как последняя искра сознания угасла, в стоящем у изголовья бронзовом зеркале она увидела собственное отражение —

Ее лицо медленно гнило.

А по ту сторону зеркала юноша с распущенными волосами и босыми ногами держал кисть, обмакивал ее в кровь и выводил в пустоте последнюю строку:

Династия Инь пала от лжи и возродилась от безумных речей.

Ранним утром следующего дня придворное ведомство доложило: вдовствующая императрица внезапно скончалась, на ее теле не было ран, и лишь у подушки лежала половина Кровавого Указа со свежими чернилами и несмытым ароматом туши.

Придворные чиновники кабинета переглядывались, но никто не смел вымолвить ни слова.

Лишь Цэнь Чжао стоял перед залом, сжимая в руках свиток «Подлинной истории Великой династии Инь», и тихо произнес:

— Прошлой ночью подземный дворец Императорского Храма Предков открылся.

Се Линь стоял рядом с ним, сжимая в руке сломанную Нефритовую шпильку рода Се — теперь она была целой, словно новая, и такой же теплой, как слеза.

Он опустил голову и бережно прижал шпильку к груди Цэнь Чжао.

Татуировка на его теле все еще билась.

— Ты двадцать лет нес за меня это бремя вины, — прошептал он. — Теперь моя очередь дописать эту историю за тебя.

Цэнь Чжао поднял взгляд на далекий Императорский Храм Предков, и уголки его губ слегка приподнялись:

— Ты наконец перестал быть безумцем.

Се Линь покачал головой и легко рассмеялся:

— Нет.

Я безумец.

Поэтому я и посмел дописать эту историю — историю, которой существовать не должно.

Ветер пронесся по дворцовым стенам, взметнув лежавший повсюду слежавшийся снег и унося с собой шлейф аромата туши в самые глубины Императорского Храма Предков.

Там тихо покоились семьдесят два свитка кровавых писем.

Последний свиток был чист, как снег.

И в этот миг строка кровавых иероглифов стала проступать из пустоты —

Династия Инь пала от лжи и возродилась от безумных речей.

Се Линь взял кисть, омочил ее в кровь и острие коснулось бумаги.

Первая строка охватывала весь мир.

Вторая строка проникала в самые людские сердца.

Третья строка гласила —

В двадцать четвертый год Тяньци, весной, безумец Се Линь заново пишет историю государства.

А летописец Цэнь Чжао стоял рядом с улыбкой, уронив последнюю каплю крови на кончик кисти.

Кровавый Указ возобновляет свой путь.

<http://bllate.org/book/19340/1891108>